

Любимый муж деревеньки Озимки

... Думаю, никто и никогда не узнал бы о жизни и нравах крошечной деревеньки Озимки, затерявшейся в лесистом Ново-черемшанской районе, не явись так не к месту и не вовремя приступ ревности у местного жителя Геннадия Ронжина. Именно он своим безрассудством в единый миг разрушил тот мир гармонии и равновесия, который царил здесь уже не один год. И пошло-поехало: жалобы в сельскую администрацию, наезд милиции, огласка в районной газетке...

А ведь как славно жили-то! – сокрушается Вера Ганина. – И в согласии, и в покое, и в порядке. И всё это наш Гафур наладил. А теперь что? Опять бестолковщина и пьянь?

А за что пострадал? – деликатно спрашиваю я (хотя уже на-слышан о здешних странностях). – Он-то чего плохого сделал?

Да в том и дело, что делал всем только хорошее! – оживляется моя собеседница. – Но сказано же: не делай людям добра – не получишь зла. Вот и достарался наш Гафурчик... Он ведь всем нам как родной...

В голосе моей собеседницы явно ощущались интонации, выдающие, скажем так, отнюдь не формальные отношения женщины с мужчиной.

О чём же печалится доярка Ольга, о чём она сожалеет? Да и разве она одна?

Как известно, российская деревня долго жила в строгих рамках нравственной определённости. Хотя бы формально. Соблюдались вполне пуританские, внешне безупречные правила.

Труд восхвалялся, воровство осуждалось, везде красовался «Моральный кодекс строителя коммунизма». По части супружеских устоев – тоже ни-ни. По заповеди поэта: «не подражай буржую – свою, а не чужую».

Короче, материальное благополучие, «нравственный кодекс», формы существования личности и общества с одной стороны как бы незыблемо ранжировались и регулировались.

А с другой – «бурьянная» – то есть потаённая истинная жизнь всё же существовала и диктовала нечто иное...

Селяне смотрели на свое бытие философски. Сломал трактор по пьянке – новый дадут. «Общественное стадо» в любой неурожайный год спасут. Лодырничай – всё равно дальше фермы не сошлют. Поговорка «с утра не выпьешь – весь день пропал» родилась не на пустом месте; она знаменует явление и становление нового типа человека и работника, который убеждён: старайся – не старайся – не разбогатеешь, с голоду умереть власти не дадут. Ну, а своё, мизерно-необходимое: дрова, сено, комбикорм и казённую

телогрейку и сам «скоммуниздишь»... Ну, и насчёт «любви в лопухах» – тоже не проблема.

Так и текли, причудливо переплетаясь, эти две струи, медленно и неотвратимо формируя общее русло бытия...

Но настал час – и пошли рушиться устои. Капитализм вернулся в Русь. А с ним – и новации.

В Озимках приобщение к новой жизни происходило так. Отделение совхоза стало подсобным хозяйством текстильного комбината. Аборигенов это вполне устраивало, ибо предприятие содержало небольшую ферму, качало воду, ремонтировало дорогу, тянуло газ...

И все мужички и бабы были при деле: скотники, сторожа, доярки. Водовозы — и даже ветфельдшер. Вернее, ветфельдшерица – та самая Вера Ганина, прибывшая в Озимки откуда-то из Азербайджана. Муж её в звании майора служил в Закавказском военном округе – но в Озимках был устроен на скромную должность участкового милиционера. (Которого, кстати, здесь отроду не водилось.) Супругам выделили для житья крепенькое зданьице бывшей начальной школы. По Озимкам пошёл слух: так привечают новосёлов только благодаря... обаянию Верочки.

Ветеринарша и вправду была хороша – и умна, и фигуриста, и хлебосольна. Постоянно гостевали у неё то из района, то с комбината. Компании веселились в бывшем школьном саду, жарили карасей на берегу пруда... И всё бы хорошо – но случилась беда: после одного из пикников Верочкин муж погиб – захлебнулся во сне собственной рвотой...

Странно – но факт: за этой нелепой смертью напасти на Озимки стали сыпаться одна за другой. Обанкротилось АО «Текстильщик» и сразу ликвидировали ферму. Почти весь народ остался без работы. Потом сгорела общественная баня – и стало негде помыться, так как деревенские баньки все уже давно погнивали – а новых беспечное население не ставило: на кой чёрт, если есть совхозная? Так что теперь все озимчане ходили немывтыми и злыми.

Но – гордыми. Когда в сильно поредевшей деревне появился весёлый черноглазый человек по имени Гафур и объявил, что нанимает рабочих для создания личной агрофирмы, озимские мужики только фыркнули:

— Ещё в холуях у тебя не ходили! Сам вкалывай!

Гафур Сулейманов, прибывший в Озимки осваивать новые сельхоз-пространства, внимательно на гордых мужичков глянул и вымолвил:

— Вы ещё пожалеете!

Аборигены лишь покривились. Но Вера Ганина подошла к новосёлу уважительно:

— А вы, Гафур Галямович, первое время у меня пожить можете. Беспокойства не будет, комната отдельная. Ну и постирать—приготовить — всегда, пожалуйста...

Дом Ганиной — на отшибе, в старом саду. Уютно, удобно. И хозяйка пригожа и приветлива... Почему нет?

Так обрёл новосёл Озимок Гафур Сулейманов крышу над головой. И заботливую помощницу. Первую, отметим, в деревеньке. Случилось это ровно четыре года назад — и последствия имело весьма существенные.

Как подчеркнула в разговоре со мной глава Тарханской сельской администрации Екатерина Козьмина (а Озимки — как раз под её опекой) «в последние годы активно идёт расслоение сельского народа».

— Одни из всех сил стараются выбраться наверх — другие, наплевав на всё, идут ко дну...

Жизнь и бытие граждан Озимок — наглядное подтверждение этим словам.

С тех пор, как прекратило своё существование подсобное хозяйство текстильщиков, прошло, как уже сказано, четыре года. За это время мужское население Озимок сократилось ровно вдвое — из четырнадцати «глав семейств» осталось всего семеро. Трое умерли. Четверо подались в сельские бомжи — появилась и такая категория. Летом возле прудов и речки Свяиги, зимой отираются где-то в Тетюшах. А оставшаяся «великолепная семёрка» живёт беспечной и разгульной жизнью — то есть лодырничает, спивается и скандалит. «Вот мой-то, — рассказывает доярка Ронжина, — ни-чего-шеньки сделать не желает! Чуть проспался — ищет опохмелку. Протрезвел — за нож хватается. На Троицу меня по всем огородам гонял. У золовки пришлось скрываться...»

Сельские женщины — в отличие от мужской части — крепки и моложавы. Страдают не только от бездушия и пьянства своих мужичков. Что-то не ладится, как я понял, и по более деликатной линии. На эту мысль навела меня услышанная в Озимках частушка. Звучала она так:

*Мужички в штанах дырявых
Около пивной торчат.
Нет в деревне парней бравых
О-плодотворить девчат!*

Затем следовал дружный женский хохот.

И хоть пивной в Озимках отродясь не бывало, речь шла понятно о чьих именно штанах и мужичках...

Однако вернёмся к рассказу о том, как обживался в Озимках весёлый и предприимчивый человек Гафур Сулейманов.

Бывший главный агроном одного из колхозов соседнего Татарстана оказался человеком сметливым и предприимчивым. Арендовал единственное уцелевшее помещение молочно-товарной фермы. Пригнал из родной республики десять племенных тёлочек. И – уже по-свойски – справился у квартирной хозяйки:

— Кого, Верочка, в доярки возьмём? Раздаивать первотелок, понимаешь, дело ответственное.

И та собственноручно на листочке из дочкиной тетрадки начертала имена самых трудолюбивых, самых чистоплотных и аккуратных жительниц Озимок.

— Вот выбрала помоложе. Они посноровистей.

Ах, если бы ведала Верочка, что творит!

Скотников и охранников Гафур привёз своих. Был строг – пастуха, привычно погонявшего стадо матюгами, уволил сразу: «С животными надо обращаться лучше, чем с людьми».

Дела у Гафура пошли хорошо. Деньги выплачивал вовремя. Для доярок – невиданное дело! – оборудовал на ферме душевую и комнату отдыха. Поставил там огромный диван и кресла, чай с баранками непременно завершал каждый рабочий день.

Население Озимок, действительно, «расслоилось». Но – не по имущественному, а по половому признаку. Местные никчемные мужички Гафура глухо возненавидели. Зато женское население души в своём «Гафурчике» не чаяло – и относилось к нему, как вскоре выяснилось, куда более чем уважительно...

Казус произошёл. Ровно через год после начала реанимации сельскохозяйственного производства начался в Озимках и рост населения. До того только убывало (потому и школу закрыли) – а тут бабы рожать начали. Доярка Ольга Ронжина первой осчастливила своего мужа. Да ещё как – принесла двух пацанов сразу! Тот на радостях так запил, что попал в областную психушку. Однако Ольга таким поворотом событий вроде и не огорчена была:

— Пусть там насовсем остаётся! Толку от него никакого. А нам Гафур Галямович пособие выделяет...

Пацаны — один светленький, другой чернявый – ухожены, хорошо одеты. Гафур к ним навещается частенько, балует подарками, тетешкает малышей. Ну, прямо как папка родной.

Пример счастливой мамы оказался, видимо, заразительным – в Озимках ещё две молодухи на сносях. А Гафур Галямович строит большой дом – и почему-то с несколькими входами с разных сторон...

Вот так налаживалась жизнь в Озимках в последние годы. На месте разорённой бестолковостью и «ничейством» общественной «МТФ» крепло личное хозяйство. Вместо виртуальных совхозно-подсобных «зряплат» работникам выдавались реальные деньги. А донельзя уставшие в своей семейной «классике» деревенские женщины вдруг надумали рожать детей...

И кто знает, сколько бы ещё продолжалось это благополучие. Но испортил всё вернувшийся после лечения от белой горячки Гена Ронжин. Тщедушный и мирный по трезвости этот мужичок первые две недели прожил тихо-мирно, с некой отрешённостью поглядывая на двух малолеток, которых завела его законная «жена-баба». Но как только хлебнул самогона – тут же стал буянить. С кулаками на жену бросился: «От кого пацанов нагуляла, стерва?»

Однако, на сей раз вышла у Геннадия осечка. Не по огородам рванула от ревнивца доярка Ольга – а к своему работодателю Сулейманову: «Защитите!». Тот – к драчуну – урезонить. Пьяненький Геннадий попытался замахнуться и на Гафура... Попытка оказалась для Гены неудачной: перелом руки, выбитая в избе рама и сломанная собачья будка, на которую рухнул Ронжин...

Горяч был Гафур Галямович – и в деле, и в любви, и в драке...

Вот так и завершилась мирная жизнь в Озимках. Подлечив сло-манную руку, Геннадий Ронжин добился возбуждения дела против Га-фура Сулейманова. Статья гласит: превышение пределов самообо-роны. Неприятности у Сулейманова, очевидно, будут – тем более, что «сражение» происходило на подворье Ронжина... О «завершении сельхозразборок» и о «страдальце» Ронжине сочувственно написала районная газета...

Но женское население Озимок пишет письма в защиту Сулейманова. Молодухи перечисляют все его достоинства. Или скажем так: почти все.

А Ольга Ронжина вообще ушла из дома. Перешла жить к Гафуру... в один из гостевых отсеков его многовходного коттеджа.

И, по слухам, кандидатки на очередное новоселье уже имеются.

Сам Гафур Галямович настроен философски:

— Надо же и дело делать. Коров доить, дома строить, детей рожать. В России народ убывает, слышали? И поля зарастают... Хватит водку жрать и баб мучить.

Сулейманова очень вдохновило недавнее решение совета муфтиев России о том, что мусульмане вправе иметь несколько жён. «Это хорошо. При ответственности мужа за всех жён», – подчеркивает Гафур.

Его мечта переименовать Озимки в Гафурово. Официальное заявление на сей счёт он властям ещё не подавал. Но рядом с новым домом поставил

мачту. На ней медленно вращается от ветра белый круг, на котором напечатано: «Агрофирма Гафурово».

А возле опустевшей и уже пришедшей в полный упадок избы всё так же сидит с приятелями поддатенький Гена Ронжин. Он тянет трё-паную гармошку и поёт:

*Ну, а ты, ё... мать Баба нерожавая —
Будешь жить и пропадать
Словно гайка ржавая!*
Но частушечка, явно, запоздалая, право.